

УП 13
2

ЧТЕНІЕ

802-17
1982

ДЛЯ

СОЛДАТЪ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ-ГЕНЕРАЛЪ-МАЮРА

А. ГЕЙРОТА.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

№№ 1, 2, 3 и 4.

Съ приложеніемъ шести рисунковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1877.

другъ другу громкими криками, которые слышны бываютъ даже за барабаннымъ боемъ, и всеъ кидаются на назначенное мѣсто.

При такой жизни, при такихъ правахъ не мудрено, что когда одинъ Черногорецъ былъ недоволенъ своимъ сыномъ, то говорилъ ему съ глубокимъ сожалѣніемъ: несчастный! Поплатишься ты за свое непослушаніе и пороки — умрешь въ постелѣ!

И. В. Савельевъ.

Въ слѣдующей книжкѣ журнала Чтеніе для Солдатъ будетъ помѣщено, описаніе положенія Черногоріи, въ настоящее время.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ХИЩНИЧЕСТВО КИРГИЗОВЪ НА ВОСТОЧНОМЪ БЕРЕГУ КАСПІЙСКАГО МОРЯ.

(Разсказъ русскаго плѣнника возвратившагося изъ Хивы).

Грустную картину представляютъ восточные берега Каспійскаго моря. Мертво и безлюдно въ этихъ печальныхъ мѣстахъ «проклятыхъ Аллахомъ», какъ говорятъ о нихъ даже неприхотливые, неизбалованные природою кочевники.

Голые, сыпучіе пески холмистою равниною спускаются къ морю; чѣмъ ближе подступаютъ эти пески къ водѣ, тѣмъ ниже и ниже, отложе и отложе становятся наносные вѣтромъ курганы (барханы) и наконецъ широкими отмелями соединяются съ водою, отмелями, едва отдѣляющимися отъ уровня моря.

Бѣловатая, тонкая полоска пѣны, рѣзко рисуется на темнубуромъ фонѣ смоченнаго песка, словно гигантскій щетинистый змѣй, дрожить и сверкаетъ на солнцѣ прибитый волною къ берегу, перегнившій мусоръ и морскіе выкидыши. Тамъ и сямъ на пескѣ бѣлѣются разбросанные ракушки и рыбы остовы, а дальше песокъ и песокъ и ничего больше, далеко за видимый горизонтъ, зубчатой волнистой линіей теряющійся въ знойномъ туманѣ раскаленнаго воздуха.

Мѣстами черноватый скалистый кряжъ вздымается изъ-подъ слоя песка и гребнемъ подходитъ къ морю, образуя обрывистые склоны. Мѣстами чахлый верескъ и колючій терновникъ, Богъ вѣсть чѣмъ питающій свои корни, пестритъ пустыню... Изрѣдка, и то только раннею весною, зазеленѣетъ мелкорослый камышь и, не развившись какъ слѣдуетъ, чуть не черезъ мѣсяцъ своего зарожденія, превращается въ какую-то буроватую щетину, созженной безпощадными лучами здѣшняго солнца.

Пахнетъ вѣтромъ съ моря, — повѣетъ свѣжестью, станеть одна за другою нагонять на низменный берегъ длинныя, пологія волны... Эти волны принесутъ съ собою новые выкидки и остановятъ ихъ на пескѣ — догнивать на солнцѣ, заражать и безъ того дышашій болѣзнями береговой воздухъ. Переменится вѣтеръ, подуетъ съ суши, — словно изъ натоленной печи пахнетъ удушливымъ жаромъ, обнаживъ отмели, откроетъ новыя и снова стихнетъ, снова успокоятся мертвыя воды и лягутъ ровнымъ, ярко-зеленымъ зеркаломъ, отражающимъ въ себѣ легкія облачка, бѣгущія гдѣ то очень высоко, высоко, — да все выносящихъ морскихъ чаекъ, снующихъ надъ этою водною равниною.

Рѣдко появится одинокій парусъ на горизонтѣ водъ, — рѣдко появится всадникъ или верблюдъ на гребняхъ песчаныхъ бархановъ... И тотъ и другой избѣгаютъ этихъ мѣстъ, первому нечего здѣсь дѣлать, а второй боится уходить далеко отъ прѣсной воды, а воды этой близко къ морю никогда не бываетъ.

«Иди дальше отъ зеленой воды; если не хочешь погнѣнуть самъ и погубить свою скотину» говоритъ ту-

земная поговорка; тутъ зеленою водою называютъ морскую воду, за ея цвѣтъ, прелестно изумрудный, блестящій, такъ рѣзко отличающійся отъ мутно-желтаго, глинистаго цвѣта прѣсной воды «воды доброй, благословенной Аллахомъ и его пророкомъ».

А между тѣмъ, и съ моря и съ суши, сюда приходитъ человекъ; и иногда въ такое время, когда на горизонтѣ появится бѣлая точка паруса, на песчаныхъ холмахъ зачернѣютъ крохотныя движущіяся точки, цѣпочкою связанныя одна за другою. Иногда эти точки смѣло идутъ къ берегу и тогда вы видите ясно, что это легкій караванъ верблюдовъ, конвоируемый нѣсколькими вооруженными всадниками, иногда же они подходятъ къ водѣ и остаются тамъ за этими барханами, воровски прячась за ихъ пологими скатами. И то и другое дѣлается сообразно съ цѣлями самаго прибытія.

Русскіе рыбаки съ низовьевъ Волги, астраханскіе и уральскіе, на своихъ незатѣйливыхъ парусныхъ шхунахъ, рѣшаются иногда посѣщать здѣшніе берега. Временами года здѣсь, между прибрежными островами, на отмеляхъ находятъ обильный ловъ рыбы и даже бьютъ, рѣдкаго въ здѣшнихъ мѣстахъ, тюленя. Часто и другія, менѣе благонамѣренныя, мирныя занятія, привлекаютъ сюда предприимчивыхъ моряковъ, заставляють ихъ бросать якорь въ виду этихъ негостепріимныхъ бархановъ.

«Только недобрыя люди посѣщаютъ недобрыя мѣста». Туркменскіе роды и воровскіе семьи киргизовъ Буксевцевъ и адоевскаго рода, живущіе разбоемъ и грабежемъ, высылають сюда небольшіе партіи хищниковъ. Эти партіи формируются обыкновенно такимъ образомъ: выбираютъ съ

десятокъ сильныхъ, выносливыхъ верблюдовъ, большею частию одnogорбныхъ наровъ, навьючиваютъ ихъ турсуками съ водою, въ такомъ количествѣ, чтобы ея хватило туда и обратно, на весь безводный переходъ отъ послѣднихъ колодцевъ къ морю, и съ этимъ караваномъ небольшая партія, человекъ въ двадцать, смѣло отправляются на недоброе предпріятіе. Цѣль подобныхъ партій, большею частию, двойная: или они встрѣтятъ здѣсь русскихъ, или не встрѣтятъ, если встрѣтятъ и застанутъ ихъ не въ распlohъ, а готовыми къ оборонѣ, то хищники мирно покончатъ дѣло и извлекутъ все-таки выгоду изъ своей поѣздки, они тогда мѣняють на русскій товаръ свои награбленные товары, большею частью негромоздкіе, но цѣнные, контрабанта играетъ тутъ конечно роль не маловажную... Русскіе имъ даютъ желѣзо, свои ситцы, оружіе, рыбу, русское серебро; хивинцы—шелковые ткани, чай, ковры, бараныи смушки и т. д. Поторгуются, переговариваютъ то и другое между собою, зорко слѣдятъ при этомъ за каждымъ движеніемъ своего противника, покончатъ наконецъ свои коммерческія дѣла и мирно разойдутся, каждый въ свою сторону. Иногда же, когда очень хитро и не замѣтно подошла съ берегу воровская партія, и оплошаютъ зазѣвавшіеся мореходы, то дорого эти послѣдніе поплатятся за свою оплошность и добро ихъ такъ за даромъ перейдетъ въ разбойничьи руки и сами они пойдутъ, можетъ быть даже на всю свою жизнь, въ тяжелое, безысходное рабство.

Вотъ рассказъ одного такого раба, освобожденнаго нами при занятіи Хивы, проведеннаго двадцать семь лѣтъ въ неволѣ.

— «Когда это было, чтобы то есть точно, сказать, въ какое время, ужъ я этого не помню хорошенько потому, что въ годахъ счетомъ сбился и память у меня всю отшибли побоями, рассказывалъ этотъ страдалецъ.

«Я былъ мужикъ еще молодой—тридцати не было. Седьмой годъ всего женатъ, а отецъ мой садокъ держалъ рыбный подъ Астраханью, и ловы свои имѣлъ, купцомъ считался. Люди мы были зажиточные, почти что богатые и рабочую артель держали, человекъ сорокъ, а то и побольше.

«Промышляли мы у своего берега больше, только и сюда въ эти распроклятыя мѣста навѣдывались, по правдѣ сказать, не за рыбою. Разовъ пятнадцать мнѣ приходилось ходить, а отецъ мой такъ и счетъ потерялъ, сколько разъ сюда на шхунѣ хаживалъ и все сходило съ рукъ благополучно.

«Снярядили мы разъ шхуну, ходокомъ звалась, нагрузили ее чемъ слѣдуетъ; вина спустили въ трюмникъ—два боченка, ружей десятка три, тогда еще кремневые были,—а въ ордѣ почитай никакихъ неводилось и по сорока барановъ намъ за штуку платили, на наши деньги-рублей по восьмидесяти. Пороху четыре боченка, свинцу,—все для продажи, и серебро пуда два съ половиною... не то чтобы настоящаго цѣннаго серебра, а эдакъ, что отъ меди ушло не далеко, за которое нашего брата въ хорошія мѣста сажаютъ... Сѣти забрали съ собою, всю какъ есть рыболовную снасть, для вида больше, и, благословясь, снялись съ якоря.

Народу на шхунѣ было у насъ не много, всего четырнадцать человекъ: тринадцать русскихъ, да одинъ хивинецъ. Служилъ онъ въ Астрахани у одного купца;

обокралъ его что-ли, сказывали, что прирѣзалъ даже и прямо къ намъ на судно прибрѣжалъ, ночью подъ корму подплылъ. Слезно умолялъ, чтобы взяли, посулилъ золотыхъ за перевозъ, половину сей часъ же отдалъ... ну какъ не взять бѣднаго человѣка — отецъ говоритъ ему полѣзай Ахматка, ложись пока промежъ сухарными тюками. Тронулись...

«Говорили тогда, что не ловко выѣхали, тринадцать человѣкъ, то есть русскихъ да потомъ порѣшили, что со мною жена была, идти увязалась, — ну такъ баба нешто человѣкъ значить, ея не въ счетъ... Подняли парусъ. Утро разсвѣло, солнышко поднялось, ужъ нашъ-то берегъ чуть тутъ только надъ водою маячилъ; далеко ушли.

«Переходъ нашъ былъ не совсѣмъ благополучный... Сильно насъ вѣтромъ потрепало, чуть было со всѣмъ не погибли, однако кое какъ справились: только отнесло насъ къ югу сильно, почти къ персидскому берегу; а тамъ опасно, — казенные суда ходятъ: встрѣтить могутъ, не ровно осматривать стануть, — тогда дѣло скверное... Вѣтеръ, Слава Богу, перемѣнился и все пошло ладно. Семнадцать дней въ морѣ пробыли; на восемнадцатый, передъ вечеромъ этакъ, — гребень Половань — горы завидѣли....

Ужъ какже мы обрадовались, когда землю почуяли, плясать просто начали на палубѣ. Солнце только что сѣло, мы якорь бросили и баркасы на воду спустили, однако на берегъ не ѣздили остались всѣ на ночь на суднѣ... Безъ оглядки нельзя тоже.

«На другой день рано, еще чуть свѣтъ брезжилъ и по водѣ густой туманъ слался, проснулся я глянулъ на берегъ, ничего не видать, все затянуло туманомъ...

Ну пока что, пока всталъ народъ, пока потягивался, да баркасы готовили, солнышко подниматься стало, пригрѣло воздухъ и разогнало мглу... Видны уже стали и барханы степные и лога между ними синіе такіе... Кажись пусто... ни души не видать ни кого нѣту....

«Ужъ мы приглядывались, приглядывались, въ трубку глядѣли, тоже не простыми глазами, ни, то есть, единого человѣка не чернѣется.

— Диковенное дѣло, думалъ тогда батъка мой кажись бы должны быть, потому увѣдомлены, не што по той причинѣ, что какъ мы столько времени въ морѣ валандались призапоздали, такъ вѣрно думали ни приѣдемъ — вотъ и отошли они назадъ къ преснымъ колодцамъ.

«Порѣшили на берегъ ѣхать.

«Поѣхали допречь всего отецъ самъ, да работниковъ взялъ съ собою человѣкъ четырехъ, да Ахматка съ ними, хивинецъ. Отчалили отъ шхуны, — полегли на весла, а я тѣмъ временемъ, подъ вторую палубу спустился низы осматривать, чуялось мнѣ почью впросонкахъ, будто тамъ вода булькала.

«Спустился съ фонаремъ, оглядѣлъ все какъ слѣдуетъ и въ правду течъ оказалась, такъ и сочтить вода межъ досокъ и на днѣ набралось ея таки порядочно, стояли у насъ тюки на высокомъ накатникѣ, аршинъ съ четвертью безъ малаго, а вода ужъ почти къ нимъ самимъ подбирается.

«Хотя настоящаго мѣста, гдѣ то есть порча самая, я не отыскалъ, однако вижу дѣло дрянъ, безъ розыску и починки нельзя и думать обратно въ море соваться.

«Къ полудню отецъ съ берега вернулся, говоритъ: —

точно никого нѣтъ на берегу, а были на прошлой недѣлѣ. Таперича если на той недѣлѣ ушли, да пойдутъ на колодцы, отдохнуть, отпоять скотину и снова сюда вернутся, раньше какъ черезъ десять дней ждать нельзя, нешто другіе кто подойдутъ.

«Доложилъ я отцу тутъ о бѣдѣ нашей, насчетъ течи, свелъ самага, показалъ.

— Что-жъ и ладно, говорить, втянемся вонъ въ губу-то, на мелкое мѣсто, на бокъ шхуну завалимъ и починимся—времени, слава Богу, не мало, да и погода стоитъ тихая.

«А отъ насъ, съ версту эдакъ—небольше, славная губенка выходила, съ моря ходъ въ нее отличный и коса песчаная далеко отъ берега отходила, полусерпомъ эту губу охватывала.

«Стали мы туда тянуться, якоря свезли на баркасѣ, двухъ дней не работали, стали гдѣ слѣдуетъ. Сейчасъ грузъ весь на баркасы, да на косу свезли, завалили шхуну, отыскивали доску волною вышибленную, стали плотничать.

«Хивинецъ Ахматка съ нами остался; помогаетъ въ работѣ не хуже другихъ, даромъ что за пассажира считается.

— Чтожъ домой не бѣжишь? спрашиваемъ мы, смѣемся... пріѣхали ну и высаживайся.

— Зачѣмъ теперь домой—теперь нельзя, говорить, домой... Одинъ человѣкъ пропадетъ въ степи; а вотъ прійдутъ люди, ну и я тогда съ ними.

— Ну ладно!

«Прожили мы эдакъ дней пять-шесть; скука такая разбирать стала, тоска просто, безлюдье, тишина; мерт-

вечина кругомъ, только и видно, какъ вѣтромъ съ бархана на барханъ песчаныя столбы переносить, винтомъ ихъ скручиваетъ.

«Отъ жары просто дѣваться не куда, ндо вода согрѣлась, особенно на мелкомъ мѣстѣ, гдѣ мы стояли, купанье не въ отраду!... Истомились просто, ходимъ какъ ословѣлые, ждемъ не дождемся—скоро ли тюркмены—купцы честные, арканники, на промѣнную торговлю къ намъ по уговору выѣдутъ.

«Вотъ и дождались наконецъ,—глядимъ эдакъ передъ вечеромъ, ѣдутъ шестеро да два верблюда съ ними. Что думаемъ, такъ мало.

«Знакомые оказались, прежніе: Мерчекъ, да Мулла Исса съ Талдыка, прежде съ ними дѣла имѣли. Выслали имъ карбасикъ. Скотину они на берегу оставили съ двумя человѣками, а сами къ намъ на шхуну пожаловали.

«Поздоровались по обычаю, говорятъ, что они передомъ пришли, а черезъ пять дней и наровокъ прійдетъ ихній. Спросили, что у насъ есть, про свой товаръ ни вѣсть какихъ чудесъ наговорили.

— Ну, думаемъ, черезъ пять дней, такъ черезъ пять, ждали много, подождемъ и еще, уподчивали гостей, на ночь на берегъ доставили, опять отецъ самъ уѣхалъ кое съ кѣмъ изъ нашихъ, тамъ и остался ночевать, уже очень хорошо его приняли.

«И намъ то хорошо видно, что въ ихъ лагерь дѣдается и имъ, что у насъ, потому близко отъ берега мы стояли.

«Спалъ я эту ночь на палубѣ, пологъ раскинулъ и съ женою улечся. Слышу, ночью толкаетъ меня Марья,

будить, сама изъ подъ полога вылезла и черезъ бортъ на воду глядитъ.

— Что ты? спрашиваю.

— Да вотъ что, Парфенычъ... прислушайся-ко, никакъ конные топотятъ вонъ въ той сторонѣ.

— Какіе конные тамъ, съ моря то... Господь съ тобою. Берегъ-то вонъ гдѣ, вонъ въ какой сторонѣ. Спи лучше блажная! самый, что ни наесть лучший, сонъ передъ зарею перебила.

— Слышалось, что топотятъ, Парфенычъ, теперь не слышу; а что съ моря, аль не съ моря—это все единственно... вонъ откуда доносило... чуется лишь что-то недоброе... спать просто не могу... не взбудить-ли народъ на всякъ случай, да послать корбасъ за батькой.

«Туманъ густой стоялъ тогда, ничего ни видно, за два шага отъ бортовъ шхуны стѣна стоитъ бѣлая... слушалъ я, слушалъ, хоть бы что... выругалъ жену и снова спать завалился.

«Вдругъ какъ вскрикнетъ моя Марья не своимъ голосомъ, вскочилъ тутъ и я, даже сердце похолодѣло все. У самой то есть шхуны, словно изъ моря выплыла лошадь, заржала, да звонко такъ... труба трубою по водѣ прокатилось это ржанье.

«Только изъ подъ полога вылезли мы оба, гляжу изъ за борта уже торчатъ шапки бараны, лѣзутъ на шхуну, руками цѣпляются.

— Разбой братцы! крикнулъ я во все горло, за первое, что подъ руками нашлось, за багоръ хватился, сунулъ имъ одного въ рыло, а тутъ меня и самого сцапали; какъ ни бился, мигомъ связали и у мачты бросили.

«Вижу, наши, одинъ за другимъ снизу лѣзутъ изъ люка, какъ вылезетъ, тутъ его и хватаютъ. Семень работникъ, здоровый такой мужикъ, въ драку полѣзъ было, да и не помогло, только свой животъ за хозяйское добро положилъ, уходили его въ четыре ножа сразу...

«Невеселое мы утро тогда встрѣтили. Свезли насъ на берегъ, да ужъ не на лодкахъ, а лежа на лошадяхъ вплавь. Тутъ мы и догадались, какъ это къ намъ разбойники конные на шхуну попали: они отмелью, косою подошли, совсѣмъ съ другой стороны, а тамъ, что малость до судна осталось, вплавь подобралась.

«На берегу, глядимъ—уже большой ихъ лагерь стоитъ; пять-то дней, что Мерчекъ говорилъ, пятью часами оказались, продалъ проклятый.

«Отецъ и работники, что съ нимъ поѣхали на берегъ ночевать, тоже связанные насъ встрѣтили. Отецъ меня за оплошку ругаетъ, а я его за то, что не хорошимъ словомъ помянулъ, тотъ было бить хотѣлъ, полѣзъ ко мнѣ, да руки больно крѣпко скручены, не свободно.

«Навьючили насъ, какъ скотину, Марью мою, какъ спала въ одной рубахѣ, такъ и посадилъ Мерчекъ на сѣдло, за свою спину, только поясомъ ее прикрутилъ къ себѣ для прочности. Погнали насъ прочь отъ берега.

«Оглянулись мы назадъ на море, какъ отошли немного, черный столбъ дыма надъ водою стоитъ. То они-разбойники, окаянные шхуну нашу запалили, чтобы слѣдовъ не оставалось: другіе кто, въ случаѣ подѣдутъ, не сомнѣвались-бы.

«Ну и приняли же мы *дорожной муки, пока насъ черезъ мертвые пески гнали, семеро не стерпѣли померли,

остальные дошли, и здѣсь насъ по разнымъ рукамъ, на базарѣ чимбайскомъ, разбили.

«Съ тѣхъ поръ я и не видывалъ никого изъ нашихъ. Послѣ уже узналъ я, что отецъ померъ. Марья моя подѣ Хиву къ Муллѣ одному въ жены поступила и уже ребятъ народила черномазыхъ, а я самъ уже и состариться успѣлъ въ неволѣ, когда вы русскіе подошли и всѣхъ насъ, такихъ же горемычныхъ на волю высвободили.

Хищническими набѣгами не разъ оживлялись пустынные мѣста прикаспійскаго побережья, и только теперь, когда русскіе войска заняли этотъ край, когда въ Мангышлакѣ и въ Красноводскѣ построены постоянныя укрѣпленія, оберегающія покой мертвого Усть-юрта,—можно надѣяться, что подобные хищничества станутъ случаться все рѣже, а можетъ быть и прекратятся совсѣмъ.

Н. Ка—на.

Замѣчательная экспедиція Уральскихъ козаковъ у восточныхъ береговъ Каспійскаго моря для наказанія хищниковъ Киргизовъ.

Частые и смѣлые грабежи, производимые кочующими киргизами Буксевцевъ адоевскаго рода, у восточнаго берега Каспійскаго моря, истощили терпѣніе нашего Правительства и принудили его принять рѣшительныя мѣры къ обузданію дерзкихъ хищниковъ. Нужны были мѣры грозныя и быстрыя, не смотря на зимнюю пору, а потому, предложено было генералъ-адъютантомъ Перовскимъ снарядить военную экспедицію: это было въ концѣ 1836 г.

Зимняя экспедиція предпочиталась и потому, что восточный берегъ Каспійскаго моря, отъ нашихъ границъ и до Мангышлака, лишень воды, которую въ зимнюю пору можно было замѣнить снѣгомъ; къ снѣгу же казачьи лошади, породы киргизской, скоро привыкають. Сверхъ того, въ это время года, киргизскій скотъ, отъ дурныхъ кормовъ и суровости зимы, изнуренъ и мало способенъ къ перекочеванію изъ однихъ мѣстъ въ другія, къ чему киргизы обыкновенно прибѣгаютъ лѣтомъ, чтобы избѣгнуть встрѣчи съ русскими отрядами, посылаемыми въ степь для наказанія виновныхъ. Но вопросъ состоялъ въ томъ: какой путь избрать для отряда—по льду, моремъ, или берегомъ твердой земли?

Путь береговъ изгибался и уклонялся отъ прямого направленія повсюду. Не возможно было пройти пространство, заключающееся отъ оконечности нашей уральской линіи до Мангышлака, 1,200 верстъ, по дурной дорогѣ, по снѣгамъ, не изнузивъ совершенно лошадей, еще до прибытія отряда на мѣсто, гдѣ надобно было ему дѣйствовать быстро, чтобы застигнуть киргизовъ въ расплохъ или преслѣдовать ихъ.

Путь моремъ, по льду, несравненно прямѣе и легче для лошадей, чѣмъ берегомъ твердой земли, но онъ не безопасенъ: порывистый восточный вѣтеръ не рѣдко отторгаетъ льдины отъ самыхъ береговъ и уноситъ ихъ въ открытое море, въ глубь.

Предпочли этотъ послѣдній путь, тѣмъ болѣе, что онъ совершенно укрывалъ наши движенія отъ дозора киргизовъ и доставлялъ возможность застать ихъ на мѣстѣ. Положено однако было, чтобы отрядъ, для без-

опасности своей, держался малой глубины, гдѣ ледъ тверже и рѣдко уносится въ море, а между тѣмъ путь этотъ къ Мангишлаку все-таки значительно сокращался.

Отрядъ въ 500 человекъ уральскихъ, отборныхъ казаковъ былъ снаряженъ съ двумѣсячнымъ запасомъ фуража и провіанта, на лучшихъ киргизскихъ лошадяхъ, и такъ поспѣшно и тайно, что все думали не исключая даже, своихъ, что это обыкновенный нарядъ казаковъ на *полинейную* уральскую службу, а не для военной экспедиціи.

Начальство надъ отрядомъ ввѣрено было полковнику Мансурову, а помощниками ему даны были подполковникъ Данилевскій и адъютантъ генералъ-адъютанта Перовскаго, лейбъ-гвардіи гусарскаго полка штабъ-ротмистръ Челяевъ, которые, въ случаѣ болѣзни начальника отряда или кого нибудь изъ нихъ, могли замѣнять одинъ другаго.

Мы уже замѣтили, что, для достиженія цѣли экспедиціи, необходима была быстрота, чтобы киргизы не провѣдали преждевременно объ идущемъ къ нимъ отрядѣ и не перекочевали въ глубь степи, къ туркменамъ или къ хивинскимъ границамъ, и тѣмъ не избѣгли наказанія русскихъ. Поэтому экспедиція не иначе могла состояться, какъ на лошадяхъ, безъ верблюдовъ; каждый казакъ ѣхалъ въ санихъ, въ которыхъ находилось двумѣсячное его и лошади продовольствіе; но по достиженіи нашего Ново-Александровскаго укрѣпленія, отстоявшаго отъ г. Гурьева около 500 верстъ по морю, долженъ былъ оставить сани въ укрѣпленіи, и дѣйствовать верхомъ, по усмотрѣнію начальника, на всемъ

протяженіи непокорныхъ киргизовъ, кочевавшихъ въ трехъ стахъ верстахъ отъ Ново-Александровска,

Сборнымъ мѣстомъ для отряда назначена была станица Сарайчиковская, куда въ два дня казаки, снаряженные въ экспедицію, собрались изъ своихъ станицъ, а на третій день, 21 ноября 1836 года, выступили и пришли 24 числа въ г. Гурьевъ, откуда отрядъ долженъ былъ идти въ походъ, по льду, моремъ. 25 декабря, по случаю праздника, была въ Гурьевѣ дневка, а 26-го, на разсвѣтѣ, пользуясь небольшими морозами—отъ 8 до 10°, отрядъ выступилъ въ походъ, держась въ виду береговъ, на малой морской глубинѣ, дѣлая переходы отъ 40 и до 50 верстъ въ день. Ледъ былъ гладокъ, какъ зеркало, и лошади, подкованные на острыхъ шипахъ, не чувствовали почти тяжести саней. Ночлеги бывали на льду, большею частію у самыхъ береговъ, гдѣ росъ камышъ, вполне замѣнявшій дрова, а вмѣсто воды, во все время нахождения отряда въ пути, казаки употребляли снѣгъ и ледъ, къ которому совершенно привыкли.

Страннымъ казалось для людей, въ первый разъ бывшихъ зимою на морѣ, видѣть огонь, горѣвшій нѣскольکو часовъ сряду на льду, не разрушая его.

Отрядъ шелъ въ слѣдующемъ порядкѣ: трое Гурьевскихъ, опытныхъ на морѣ, казаковъ ѣхали впереди отряда, въ 200 саженьяхъ, и время отъ времени пробивали ледъ желѣзными пѣшнями, измѣряя глубину казачьей пикой и стараясь держаться моря не болѣе 1½ или 2 сажени глубины; за ними шелъ отрядъ.

Передовые казаки давали знать немедленно отряду, если замѣчали какую либо опасность: большія полыньи

или рыхлость льду, для обхода которыхъ требовалось иногда углубляться въ море или приближаться къ берегамъ, отдалявшимъ отъ прямого пути; въ первомъ случаѣ, начальникъ отряда принималъ, сколько въ его зависимости было, мѣры для отвращенія какихъ либо несчастій. Отрядъ шелъ въ пять рядовъ, каждый рядъ состоялъ изъ 100 саней. Въ такомъ порядкѣ онъ слѣдовалъ шесть переходовъ отъ г. Гурьева моремъ, безъ всякихъ особенныхъ приключеній; правда, не было перехода, чтобъ нѣсколько разъ въ день ледъ, не слишкомъ окрѣпшій, не проваливался подъ санями отряда. Сначала, пока не привыкли, подобные случаи производили тревогу въ отрядѣ, но какъ они повторялись часто, безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій, то съ ними свыклись до такой степени, что они порождали въ казакахъ общій смѣхъ. Когда въ отрядѣ бывало закричать, *врозь!* каждый догадывался, что ледъ подъ кѣмъ нибудь провалился, и, выдвинувшись со своими санями на просторъ, самъ спѣшилъ къ мѣсту, гдѣ нужно было оказывать помощь.

На 7-мъ переходѣ, въ день новаго года, въ 80-ти верстахъ отъ Ново-Александровскаго укрѣпленія, отрядъ пошелъ на перерѣзъ бухты, глубоко вдавшейся въ землю, и такимъ образомъ представлявшей значительный обходъ; отрядъ перерѣзывалъ эту бухту на-искось, избѣгая по возможности глубины моря. Морозъ былъ въ 15°; сильный восточный вѣтеръ дулъ прямо въ море. Отрядъ уже приближался къ берегу моря, какъ вдругъ, порывистымъ вѣтромъ между 4 и 5 сотнею разломало ледъ и раздѣлило ихъ отъ прочихъ водою. Четыре сотни, бывшія съ лѣвой стороны, кинулись къ

берегу, а 5 сотня, отдѣленная такимъ образомъ отъ отряда водою на 40 саж., осталась на мѣстѣ, на огромной массѣ льда, имѣвшей въ окружности нѣсколько верстъ.

Между тѣмъ, какъ первыя сотни выпрягали своихъ лошадей, чтобы поспѣшить на помощь 5-й сотни, съ ужасомъ увидѣли передовыхъ казаковъ, оторванныхъ вѣтромъ, на небольшой глыбѣ, уносимой въ море. Но мы на время оставимъ этихъ пловцовъ на жертву бури и моря, и обратимся къ 5 сотнѣ.

Воспользовавшись минутнымъ затишьемъ, казаки съ удивительною быстротою нарубили и наловили плавающихъ ледяныхъ глыбъ; укрѣпивъ ихъ одна къ другой веревками и пѣшнями, составили такимъ образомъ плавающий мостъ и довели его съ береговаго льда до глыбы, на которой находилась 5 сотня. По мѣрѣ того, какъ льдины ломались при переправѣ подъ лошадьми, ихъ замѣняли новыми. Къ чести уральскихъ офицеровъ должно замѣтить, что ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ быть на безопасномъ мѣстѣ, пока не переправили такимъ образомъ всѣхъ казаковъ съ тяжестями, офицеры оставались на живыхъ мостахъ, которые, отъ поднывагося вновь восточнаго вѣтра, могло унести вмѣстѣ съ ними въ открытое море. Эта необыкновенная переправа продолжалась, на 2-хъ саж. глубины, около 1½ часа, и только двое саней пошло ко дну моря. Обратимся къ передовымъ казакамъ.

Еще за нѣсколько часовъ до того, времени какъ 5-я сотня оторвалась отъ большей колонны, адъютантъ Челяевъ, знакомый съ этими мѣстами прежде, и бывший уже съ генералъ-адъютантомъ Перовскимъ въ Ново-

Александровскомъ укрѣпленіи, замѣтилъ что передовые, желая прямѣе выдти къ выдавшемуся мысу, заходили далеко въ море; опасаясь какихъ нибудь послѣдствій для отряда, если онъ попадетъ на большую глубину при столь сильномъ вѣтрѣ, Челяевъ опередилъ отрядъ въ своихъ легкихъ санияхъ. Догнавши передовыхъ, онъ тотчасъ велѣлъ остановиться, пробить ледъ и измѣрить глубину. Сказано — сдѣлано. Въ одну минуту казаки проломали ледъ, опустили въ воду пику, но дна не достали; бросили лоть, и онъ показалъ глубину 3-хъ сажень. Челяевъ рукою далъ знать приближавшемуся отряду, чтобы онъ поворотилъ влѣво, ближе къ берегу, а самъ, повернувъ также влѣво, остался вмѣстѣ съ передовыми казаками, чтобы чаще промѣривать море, пока отрядъ не выйдетъ на $1\frac{1}{2}$ или 2 саж. глубину. Наконецъ передовые приближались уже къ тому мѣсту, гдѣ берегъ выходитъ мысомъ въ море и были отъ него не далѣе какъ въ 4-хъ верстахъ, какъ вдругъ раздался крикъ: отломъ! Челяевъ увидѣлъ между собою и берегомъ, на-искося, куда хотѣлъ вывести отрядъ, воду; онъ обратился назадъ, чтобъ дать знать о томъ отряду, но къ удивленію своему увидѣлъ въ то же время несущуюся влѣво, ближе къ берегу, всю колонну на рысяхъ, а одну небольшую часть на мѣстѣ; (это была 5 сотня). Передовые пустились влѣво къ берегу, чтобъ присоединиться къ отряду, но скоро остановлены были, и съ этой стороны, водою; они бросились назадъ, по направленію къ 5 сотнѣ, но и тутъ было море. Въ такомъ положеніи передовые увидѣли себя окруженными со всѣхъ сторонъ разъяреннымъ открытымъ моремъ, на льдинѣ, имѣвшей въ окружности одну версту, ко-

торую силою вѣтра несло прямо въ глубь и время отъ времени уменьшало въ объемѣ. Тутъ дѣлать было нечего! Челяевъ однако обратился къ казакамъ, съ вопросомъ: не придумаютъ ли они чего нибудь для общаго спасенія, пока еще ихъ льдина не очень отдалена отъ твердой массы льду? На что казакъ, изъ Гурьева городка, по фамиліи *Соболевъ*, отвѣчалъ съ совершеннымъ хладнокровіемъ, указывая на волнующееся море: ничего, Ваше Высокоблагородіе: кабы еще ледъ былъ твердъ и не ломало его, да былъ бы у насъ провіантъ съ собою, тогда, можетъ, Богъ и помиловалъ бы насъ; но льдину нашу несетъ прямо въ море и на глубь скоро ее искрошитъ; если-жъ она уцѣлѣетъ и пристанетъ куда нибудь къ большой льдинѣ, то мы, безъ провіанта, умремъ голодомъ и холодомъ. — Нельзя было не удивляться той твердости и присутствію духа, съ какими казаки ожидали видимой гибели, тѣмъ болѣе, что каждый изъ нихъ хорошо понималъ настоящее свое положеніе.

Сначала эта горсть людей, кинутыхъ въ открытое море, на утлой льдинѣ, отдѣлялась отъ твердыхъ льдовъ водою, всего около 40 сажень такъ что, не взирая на шумъ волновавшагося моря, Челяевъ съ казаками слышали, какъ съ того берега кричали имъ: дадимъ помощь или сами погибнемъ. Но черезъ нѣсколько минутъ порывистымъ вѣтромъ отнесло льдину въ море за версту и бросало во всѣ стороны по волѣ бурной стихіи болѣе получаса, отламывая волненіемъ куски льдинъ до того, что подъ конецъ она представляла небольшую льдину, имѣвшую около 200 сажень въ окружности. Тутъ уральскіе казаки показали, чего этотъ бойкій и моло-

децкій народъ не сдѣлаеть изъ любви къ своимъ и поне утрашимости. Знаяще прежде въ экспедиціяхъ и адъютанта Челяева, желая спасти его съ передовыми, они изобрѣтали разныя несбыточные для того средства, съ явнымъ пренебреженіемъ всякой опасности. Наконецъ, урядникъ *Карпъ Гурьевъ* и казакъ *Иванъ Климовъ*, бывшіе на берегу, вызвались раздѣлить участь съ Челяевымъ, и на этотъ конецъ придумали связать на крѣпко веревками двое порожнихъ саней, сѣсть въ нихъ самимъ, запасться провіантомъ на достаточное время и пуститься въ море по вѣтру, куда отнесло передовыхъ, и немедленно занялись приготовленіемъ этихъ необыкновенныхъ лодокъ. Самоотверженіе было велико, но оно могло принести пользу погибающимъ только въ томъ случаѣ, когда бы они пристали куда нибудь къ острову.

Прошло болѣе получаса самаго томительнаго ожиданія для бѣдныхъ пловцовъ; вѣтеръ сталъ, мало по малу, утихать и переѣмляться, и вдругъ раздался крикъ: братцы: *городъ городить!* Казаки устремились въ ту сторону, куда указывалъ одинъ изъ нихъ, восклицая: спасеніе—*шиханы ставятъ?* Слыша въ первый разъ въ жизни своей эти слова и непонимая ихъ значенія, Челяевъ спрашивалъ, чему они обрадовались? тутъ, на походѣ, казакъ Соболевъ сказалъ ему, что отъ переѣмившагося вѣтра ихъ повернуло въ сторону и придвинуло къ стоящему крѣпкому льду, отъ напора котораго льдину, гдѣ они находились, начало ломать и корожить, что уральцы называютъ, «шиханы ставить, или—«городъ городить». Приближаясь къ окраинѣ шагомъ, со всѣми предосторожностями, и боясь за каж-

дую минуту, чтобъ не проломился подъ ними ледъ, уже очень ослабшій отъ бывшаго волненія, казаки увидѣли, что они все еще отдѣлены отъ твердыхъ льдовъ водою, аршина на полтора. Ожидать было некогда, потому что ихъ рыхлая льдина разрушалась; надобно было дѣйствовать немедленно; попробовали заставить лошадей перескочить черезъ полыню съ санями, и бѣдное животное, дрожа какъ листъ, но чуя близкую опасность, повиновалось голосу, и всѣ трое саней очутились на той сторонѣ; за ними послѣдовали казаки и Челяевъ.

Совершивши эту переправу, путники наши не были въ безопасности; они не знали, соединяется ли эта льдина съ берегомъ, или составляетъ пловучую массу, подобную той, на которой они находились, и побуждаемые первымъ влеченіемъ, рѣшились ѣхать по тому направлению, откуда ихъ унесло вѣтромъ въ море. Вдали синѣлся горизонтъ, позади волновалось и шумѣло море; а передъ ними стлалась гладкая и блестящая поверхность льда. Далеко, верстъ за 5, примѣтно было движеніе людей, но было-ль это на берегу или на льду—, нельзя было отличить. Путники пустились на рысяхъ, и вскорѣ достигли ихъ; это была пятая сотня, уже переправлявшаяся на своихъ пловучихъ мостахъ.

Легко вообразить восторгъ казаковъ; они выбѣжали къ нимъ навстрѣчу; увлекаясь общимъ чувствомъ радости, обнимали Челяева и передовыхъ казаковъ безъ различія. Но радость полковника Мансурова, связаннаго съ Челяевымъ дружбою и полагавшаго его гибель неминуемою, была неизъяснима. Переправа 5 сотни, а съ нею и передовыхъ, продолжалась около 2 часовъ, по-

слѣ чего они присоединились къ отряду, стоявшему на безопасномъ мѣстѣ, около самыхъ береговъ, гдѣ и провели ночь.

Съ этого почлега отрядъ подвигался впередъ, держа береговъ, и потому ему пришлось дѣлать большіе обходы; однакожь, на третій день, онъ благополучно прибылъ въ Ново-Александровское укрѣпленіе, гдѣ, передневавъ, выступилъ въ дальнѣйшій путь, тѣмъ же порядкомъ и моремъ. По достиженіи Колпиннаго кряжа и Козачи, верстахъ во 100 отъ укрѣпленія, отрядъ оставилъ свои тяжести и, устроивъ изъ нихъ вагенбургъ, взялъ семи-дневное продовольствіе и пошелъ далѣе, къ мѣстамъ кочующихъ киргизовъ. Развѣдавъ о близкой кочевкѣ, казаки оставили при небольшомъ прикрытіи продовольствіе, а сами пошли рысью къ кочевьямъ киргизовъ, тогда только замѣтившихъ приближеніе русскихъ и готовившихся къ перекочеванію. Удивленіе киргизовъ было чрезвычайно: долго не вѣрили они собственнымъ глазамъ, пока наконецъ истина не явилась передъ ними во всей своей ужасающей наготѣ. Правда, за нѣсколько времени до того, между ними разнеслись странныя вѣсти, что иногда, на морѣ, были видны блуждающіе огни; иногда показывалась на сѣверо-западномъ горизонтѣ какая-то неопредѣленная полоса, — словно стадо сайгаковъ перекочевывало; разъ даже, прибрежные киргизы, припавъ къ землѣ, слышали вдали какой-то гулъ; но все это почитали сверхъестественнымъ явленіемъ, а вовсе не приближеніемъ русскихъ, движеніе которыхъ еще отъ самыхъ границъ не могло бы отъ нихъ укрыться. Словомъ, казаки громомъ упали на нихъ, разбили, разметали

въ разныя стороны, многихъ взяли въ плѣнъ, перекололи защищавшихся. Потомъ отрядъ, присоединивъ къ себѣ оставленныхъ за нѣсколько верстъ казаковъ, раздѣлился на двое, и пошелъ далѣе, назначивъ общій пунктъ для соединенія — мѣсто, гдѣ оставлены были сани. Двѣ недѣли сряду оба отряда были въ безпрестанныхъ движеніяхъ, преслѣдуя, настигая и поражая бѣгущихъ киргизовъ.

Данилевскому удалось захватить и сжечь три большія лодки, скрытыя въ камышахъ, на которыхъ киргизы выходять въ море для грабежа.

Эту экспедицію они обыкновенно совершаютъ такимъ образомъ: замѣтивъ русскихъ рыбопромышленниковъ, безопасно стоявшихъ въ морѣ, скрываются въ своихъ лодкахъ, выставляютъ рыболовные снасти, чтобъ лучше обмануть ихъ, и выждавъ попутный вѣтеръ, быстро налетаютъ на нихъ и захватываютъ часто совершенно беззащитныхъ: потомъ, какъ водится, судно разбираютъ на дрова, а людей уводятъ въ неволю или на продажу.

Черезъ три недѣли, оба раздѣлившіеся отряда уральцевъ соединились, со всѣми плѣнными и множествомъ отбитаго ими скота, и возвратились обратно въ Ново-Александровское укрѣпленіе, а оттуда — въ свои станицы, моремъ же, послѣ 6-и недѣльной и трудной экспедиціи. Цѣль была вполне достигнута. Киргизы твердо помнили кару русскихъ, перестали вѣровать въ невозможность экспедиціи съ нашей стороны въ зимнее время, и долго не покушались на грабежи въ морѣ.

Д. Урвановъ.

III 13
2

ЧТЕНІЕ

ДЛЯ

СОЛДАТЪ

ЖУРНАЛЪ,

802-17

1964

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ.

ПОДЪ-РЕДАКЦІЕЮ ГЕНЕРАЛЪ-МАЮРА

А. ГЕЙРОТА.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

№№ 1, 2, 3 и 4.

Съ приложеніемъ четырнадцати рисунковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1874.

тровича съ высокою фамилією и съ любезнѣйшими дѣтьми 51 выстрѣлъ. Потомъ казаки пили заздравные тосты за Синодъ, Сенатъ, за все православное російское воинство, за кошевого съ старшинами, за черноморскій кошъ и все его войско, за гостей и т. д.; во время стола пѣли сочиненную Головатымъ пѣсню:

«Эй годи жь намъ журитися, пора перестати,
Дождалися отъ Царици за службу платы.
Дала хлѣбъ, соль и грамоти за вирныхъ службы:
Отъ теперь мы, мили братья, забудемъ вси нужды.
Въ Таманѣ жить, вирно служить, границу держати,
Рыбу ловить, горилку пить, ще й будемъ богати,
Да вже треба женитися и хлѣба робити,
Кто прійде къ намъ изъ невірныхъ, то якъ врага бити,

Слава Богу и Царицѣ, и покой гетману!
Заличили намъ въ сердцахъ нашихъ велику рану,
Благодаримъ Императрицу, молимося Богу,
Що намъ Она указала на Таманъ дорогу.»

Послѣ обѣда, помолившись Богу и пожелавъ долголѣтняго здравія высокой благодѣтельницѣ своей, казаки разошлись по домамъ.

Весною 1793 года черноморцы стали переселяться на Таманъ и другія земли, лежащія къ востоку отъ Азовскаго моря до Ейска и основали тамъ городъ, который, по просьбѣ Головатаго, названъ Екатеринодаромъ.

Въ 1796 году часть войска черноморскаго, подъ командою Роловатаго, участвовала въ Персидской кампаніи.

По смерти кошевого Чепеги, Императоръ Павелъ I назначилъ на его мѣсто Головатаго.

Въ январѣ 1797 года кошевой атаманъ Антонъ Васильевичъ Головатый занемогъ горячкою, но все перемогался, не ложился въ постель и постоянно занимался дѣлами. 26 числа, предчувствуя приближеніе кончины, Антонъ Васильевичъ отмѣтилъ бумаги, которыя должны быть отправлены на другой день 27 числомъ, тихо скончался, сидя на креслахъ въ мундирѣ.

Таковы жизнь и дѣянія полезнаго дѣятеля XVIII вѣка Антона Васильевича Головатаго.

М. Шуминиковъ.

ГЕРОЙСКОЕ ДѢЛО 20-ТИ КАЗАКОВЪ ПРИ МЫСѢ ЧАГРАѢ ВЪ 1870 Г.

По окончаніи военныхъ дѣйствій въ Средней Азій и окончательномъ присоединеніи къ Русскимъ владѣніямъ Туркестана со всѣми его владѣніями и кочевыми народами, постоянно были высылаемы въ глубь степей отдѣльные отряды войскъ, частію для поддержанія нравственнаго вліянія русскихъ на кочевниковъ, а частію и для наказанія ихъ за возмущенія.

Въ 1870 году начальствомъ Оренбургскаго военного округа посланы были для усмиренія безпокойныхъ кочевниковъ нѣсколько отдѣльныхъ отрядовъ въ степь. Отъ одного изъ сихъ отрядовъ командированы были 20 чел. казаковъ для препровожденія ими 135 верблюдовъ, предназначенныхъ для подъема тяжестей. Въ

числѣ этихъ 20 чел. 13-ть были артиллеристы — казаки Донскаго войска, два уральскіе казака, три оренбургскіе и переводчикъ-казакъ изъ татаръ. При нихъ же было 16 вожаковъ изъ киргизъ. Изъ числа 13-ти Донскихъ казаковъ всѣ были большею частію люди, зачисленные изъ-такъ называемыхъ малолѣтковъ Донскаго войска, находившіеся на полевой дѣйствительной службѣ только первый годъ, и только одинъ изъ нихъ фейерверкеръ, *Коржовъ*, поступилъ въ службу въ 1858 году.

Казаки спокойно слѣдовали мило *мыса Чагря* какъ вдругъ они увидѣли, что ихъ окружало скопище киргизъ, туркменъ и хивинцовъ, простиравшееся до 600 человекъ.

Завидѣвъ приближеніе непріятеля, отрядъ казаковъ съ 16 бывшими при немъ вожаками изъ киргизъ, окружилъ себя верблюдами, положивъ ихъ съ связанными ногами въ нѣсколько рядовъ и мужественно началъ борьбу съ наступающимъ непріятелемъ. Непріятель былъ вооруженъ частію и ружьями разныхъ калибровъ и достоинствъ: гладкоствольными шестилинейными краснотолчками, съ кремневымъ и ударнымъ замкомъ русскаго издѣлія, охотничьими дробовиками, двухстволками и даже нарѣзными штуцерами. Изъ фитильныхъ ружей, по тяжести и длинѣ ствола, замѣнявшихъ у нихъ артиллерію, стрѣлять можно было только спѣшившись. Кромѣ ружей у многихъ были шашки и пистолеты: остальные имѣли однѣ пикі, четверти въ три длины, острия желѣзные копыя, насаженные на древки аршина въ четыре или четыре съ половиною. Почти на каждой пикѣ, кромѣ желѣзнаго острія, при-

крѣплены пониже его къ дереву, четверти также на три, металлическія полосы, въ видѣ продолговатыхъ ножей, остриемъ наружу.

Между тѣмъ у двадцати человекъ нашихъ имѣлось только шесть ружей, именно у оренбуржцевъ и уральцевъ, и не больше двухсотъ патроновъ, артиллеристы же вооружены были тульскими шашками и гладкоствольными пистолетами.

Послѣ перваго обмѣна выстрѣлами, одному изъ казаковъ, обладавшему хорошимъ бѣгуномъ, поручено было Коржовымъ ринуться въ опасное предпріятіе — проскакать 25 верстъ до *урочища Орженца*, гдѣ стоялъ въ то время главный русскій отрядъ и дать знать о случившемся. Посланный взялся за исполненіе порученія и исчезъ изъ виду, преслѣдуемый гнавшимися за нимъ по пятамъ непріятелемъ.

Послѣ вторичной перестрѣлки киргизы окружали карре со всѣхъ сторонъ и предлагали казакамъ сдаться.

Затѣмъ часть киргизъ спѣшилась и, раздѣлившись на двѣ колонны, человекъ по двѣсти каждая, съ гикомъ бросилась на карре. Конные киргизы въ это время вели перестрѣлку. Казаки же мужественно готовились принять смерть, воодушевляя одинъ другаго.

— «Какой же, братцы, нужно смерти краше: по двадцати человекъ на одного!» — сказалъ казакъ Босножинъ, когда киргизы начали штурмовать карре и лѣзть въ средину его...

Въ это самое мгновеніе вожатые, вооруженные кольями, всѣ до одного бросились изъ заваловъ перебѣжали къ непріятелю. Первый ударъ былъ нанесенъ киргизомъ артиллеристу Пономареву, сбившій его съ ногъ.

Казаки, озадаченные стремительнымъ нападеніемъ, замѣли.

— «Не робѣйте, братцы», крикнулъ Коржовъ. «Не давайтесь живыми въ руки, вырывайте у нихъ пики».

Казаки начали вырывать копы изъ рукъ киргизовъ, которые, бросаясь на карре, большею частію останавливались снаружы его, т. е. за крайнимъ рядомъ, и протягивали пики впередъ, чтобы колоть казаковъ черезъ четыре ряда верблюдовъ, почему защищающимся легко было вырывать пики и даже выбивать ихъ ударами шашекъ... Иные киргизы бросали пиками въ казаковъ. Такъ отъ пики, брошенной всадникомъ, подскакавшимъ къ завалу, казакъ Косоножкинъ, почти при началѣ нападенія, получилъ одну рану въ бокъ. При этомъ было отнято копій у киргизовъ болѣе семидесяти штукъ. Но нерѣшительность непріятеля была непродолжительна, и они смѣлѣе полѣзли въ средину укрѣпленія почти со всѣхъ сторонъ. Свалка сдѣлалась общою.

Казаки отбивались чѣмъ попало: шашками, обломками пикъ, и даже просто кулаками; нерѣдко адаевцы схватывали казаковъ за волосы, а тѣ киргизовъ за бороды *). Крокъ лилась широкими ручьями съ обѣихъ сторонъ, и численность нападающихъ порой превосходила; но казаки хотя и обезсиливали постепенно въ неравной борьбѣ, однако не падали духомъ и оборонялись на сколько у кого хватило силъ.

Среди этой горячей схватки, всѣ казаки принимали равное участіе, отбиваясь отъ врывавшихся въ средину

*) У киргизовъ, какъ и вообще у всѣхъ мусульманъ, головы бьются выбриты.

транспорта мятежниковъ; произошло нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ отчаянной схватки. Такъ сначала, когда киргизы врывались въ карре кучками, у казака Богомазова была выбита обступившими его со всѣхъ сторонъ адаевцами шашка, и двое изъ нихъ, схвативъ его за волосы, начали тащить за огорожу, черезъ ряды верблюдовъ. Артиллеристъ, вынувъ пистолетъ изъ-за пояса и взявъ его за дуло, нанесъ такіе сильны удары куркомъ по головамъ одного и другаго, что они тутъ же оба упали, обливаясь кровью, бившей фонтаномъ изъ проломленныхъ череповъ. Почти одновременно съ этою свалкой, между раздвинувшимися верблюдами врывается киргизъ съ ружьемъ въ рукахъ. Лишь только онъ ворвался въ карре и сталъ поднимать ружье, чтобы выстрѣлить въ одного изъ защитниковъ его, казакъ Косоножкинъ, схватясь за дуло ружья, вырвалъ его изъ рукъ киргиза и однимъ ловкимъ ударомъ приклада размозжилъ ему голову его же собственнымъ оружіемъ. Артиллеристъ Карташовъ рубнулъ съ размаха схватившагося съ нимъ адаевца шашкой по плечамъ, но шашка, встрѣтивъ кольчугу, согнулась. Казакъ не потерялся: оборотивъ ее, онъ нанесъ киргизу ударъ по лицу эфесомъ, которымъ и свалилъ противника на землю. Наконецъ въ средину сражающихся врывается еще одинъ панцырникъ, держа двустволку наперевѣсь. Онъ пробѣжалъ мимо семи человекъ, которые изогнули или сломали объ его кольчугу свои шашки. Коржовъ, замѣтивъ это, крикнулъ казакамъ:

— «Бейте его, ребята, по рукамъ, пониже локтя». Отъ послѣдовавшихъ ударовъ шашекъ, руки джиги-

та съ двустволкой, упали на землю, а самъ онъ покатылся черезъ ряды верблюдовъ, гдѣ былъ подхваченъ товарищами и вытасченъ.

Во время свалки, киргизы не довольствовались тѣмъ, что лѣзли внутрь огорожки: они начали было разрѣзывать веревки, связывавшія жавотныхъ крайнихъ рядовъ, и успѣли нѣсколько штукъ изъ нихъ освободить. Замѣтивъ это, обороняющіеся стали защищать укрѣпленіе отъ покушеній разрушить его.

У Коржова перебиты были въ рукахъ двѣ пикі, а когда онъ нагнулся взять третью, то получилъ сзади ударъ копьемъ, брошеннымъ изъ-за карре подскакавшимъ всадникомъ... это была рѣшительная минута для казаковъ, потерявшихъ своего опытнаго руководителя и они были близко къ гибели. Но необыкновенная находчивость раненнаго фейерверкера спасли казаковъ; его слова къ своимъ товарищамъ въ кровавой схваткѣ; «Братцы! бейтесь до конца за Царя и Отечество, а я ужъ вамъ не помощникъ!» вдохнули въ казаковъ новыя силы, и ожесточенная битва продолжалась. Окровавленные, израненные казаки хотя и обезсилѣли отъ продолжительнаго боя и едва были въ состояніи двигаться, потому что непріятель давилъ своею многочисленностію; однако каждый изъ обороняющихся, несмотря на утомленіе, наносилъ удары врагамъ, порывавшимся прорваться въ средину заваловъ, до тѣхъ поръ, покуда не падалъ отъ изнеможенія и потери крови. Видя неизбежность смерти, мы рѣшились, — рассказывалъ потомъ Коржовъ, — недешево продать свою жизнь. Всѣ мы были уже почти увѣрены, что сопротивленіемъ отдаляемъ только минуту смерти. Двое изъ

защитниковъ карре были убиты, семеро раненыхъ тяжело, лежали въ безчувственномъ положеніи, остальные тоже имѣли по нѣсколько ранъ; только одинъ казакъ Кирѣевъ, по особому счастью остался невредимымъ. Вдругъ киргизы оставили нападеніе и начали отступать. Это значило, что, Волошенковъ достигъ своей цѣли, и отрядъ изъ Орженца успѣлъ прибыть на выручку, *сдѣлавъ 27 верстъ въ три съ половиною часа*, при этомъ у пѣхотинцевъ отряда шла, по прибытіи къ мысу Чаграй, кровь носомъ и горломъ.

Мужественные казаки были спасены, и скопище разсѣялось по разнымъ направленіямъ.

Таковъ-то подвигъ 20-ти храбрыхъ и неустришмыхъ казаковъ! Отвига казаковъ, въ теченіи 5-ти часовъ молодецки отбивавшихся отъ огромнаго скопища, невольно возбуждаетъ справедливое удивленіе.

802-17
1940

ЧТЕНІЕ ДЛЯ СОЛДАТЪ.

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ **ВЫСОЧАЙШАГО** СОВЗВОЛЕНІЯ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА

А. ГЕЙРОТА.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

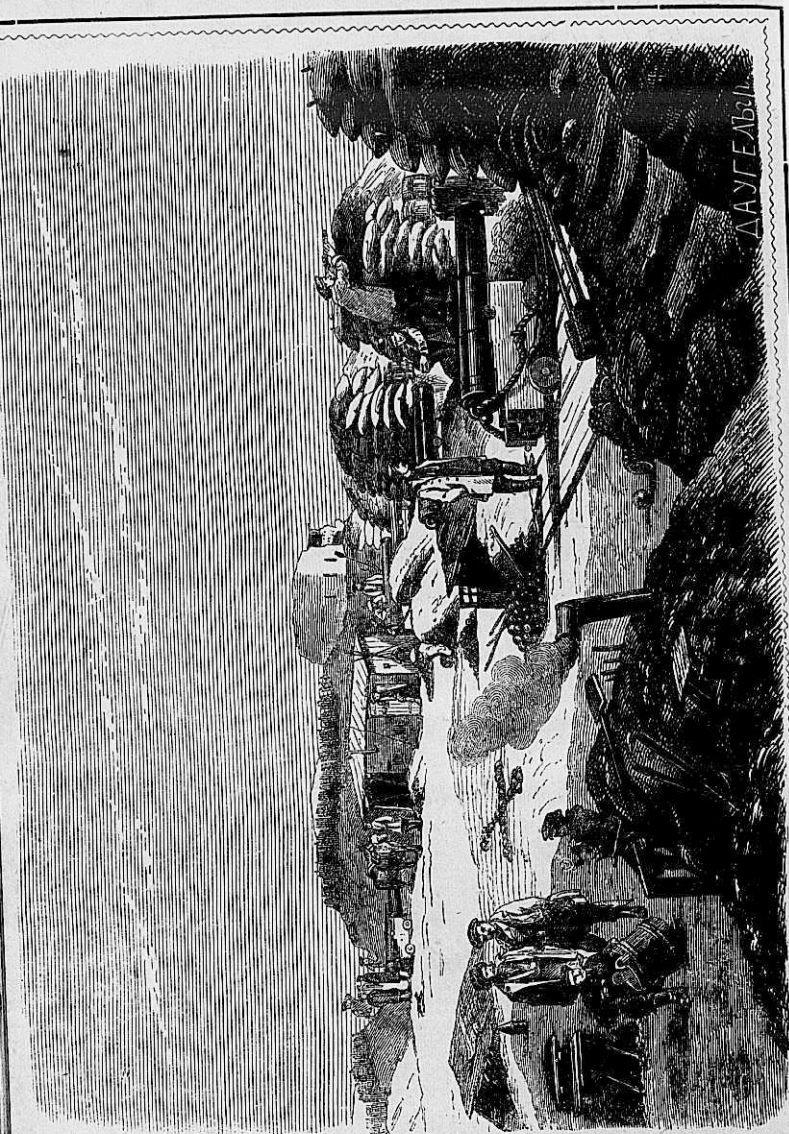
КНИЖКА ВТОРАЯ.

№ № 5, 6, 7 и 8.

Съ приложениемъ пятнадцати рисунковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1870.

СОЛДАТСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

РАЗСКАЗЪ КАЗАКА.

(О набѣѣ Киргизовъ.)

Когда я служилъ въ области Сибирскихъ Киргизовъ, то мнѣ много разъ представлялся случай ѣздить съ Волостными управителями, а иногда и со старшимъ султаномъ по Киргизскимъ степямъ для рѣшенія, по мѣстнымъ обычаямъ, дѣлъ, возникавшихъ между Русскими казаками и Киргизами.

Въ одну изъ этихъ поѣздокъ мнѣ пришлось выслушать довольно интересный рассказъ о стычкѣ русскихъ казаковъ съ Киргизами. Это было въ іюлѣ мѣсяцѣ. День клонился къ вечеру; погода стояла хорошая, только изрѣдка подувалъ въ степи вѣтерокъ; мы ѣхали съ самаго ранняго утра не останавливаясь, поэтому лошади, какъ моя, такъ и проводника моего Киргиза, отъ изнуренія едва передвигали ноги; да и мы то-сами, по ужасному зною, верхами, проѣхавъ болѣе ста верстъ, порядкомъ изморились. По-нятно, что я не безъ удовольствія помышлялъ о скоромъ отдохновеніи... но кругомъ разстилалась голая степь,—нигдѣ не видно было не только жилья, но даже деревца или куста! Скоро ли мы доѣдемъ до станицы К? спросилъ я нетерпѣливо проводника.

— «А вотъ, погоди, *Чодоръ* (*)!»—лѣниво отвѣчалъ Киргизъ:—«не торопись: вонъ, видишь, вдали чернѣетъ

сонка (*)? Какъ минемъ эту *сонку*, то до станицы останется верстъ шесть».

Проѣхали мы и *сонку*, а степь все также безжизненна, какъ прежде, и, какъ прежде, не видно на ней нигдѣ человѣческаго жилья... но вотъ проводникъ мой началъ во что-то вглядываться, и на лицѣ его появилась улыбка:— «вотъ что я тебѣ скажу, Чодоръ!» обратился онъ ко мнѣ: «станция еще далеко, а русскій казачій покоеъ близко: «трава хорошая, стараго казака—хозяина я давно знаю; «онъ насъ и въ шалашъ къ себѣ пуститъ, и накормитъ, и «напоитъ, да и лошадей нашихъ поприосмотритъ,—только «скажи ему, зачѣмъ ѣдешь, и отъ кого посланъ. Славно «мы у казака переночуемъ,—а до станицы намъ все равно «не доѣхать—видишь, лошади наши совсѣмъ пристали!»

Не хотѣлось мнѣ останавливаться на ночлегъ въ дорогѣ, но дѣлать было нечего — Киргизъ говорилъ правду, и я по необходимости согласился съ его доводами. Мы свернули съ дороги, и не прошло $\frac{1}{4}$ часа шаговой ѣзды, какъ я рассмотрѣлъ въ темнотѣ устроенную по казацки, просторную степную мазанку; лошади наши, почуявъ жилье, на-прягли послѣднія силы и мелкой рысцой побѣжали по направлению къ мазанкѣ. При приближеніи нашемъ, изъ этой мазанки вышелъ казакъ, огромнаго роста, богатырскаго тѣлосложенія, на видъ еще не старый, съ винтовкою въ мощныхъ рукахъ, и пытливо вглядываясь въ насъ не совсѣмъ то дружелюбно обратился къ намъ съ вопросомъ: «Ни кирекъ (**)?» Вѣроятно, онъ думалъ, что мы оба Киргизы, такъ какъ я и проводникъ мой были одѣты совершенно

(*) Довольно высокая гора среди степи.

(**) Что надо?

(*) Феодоръ.

одинаково въ Киргизское платье. Я объяснилъ казаку, кто я и съ какою цѣлью ѣду,—и наружность его тотчасъ же измѣнилась изъ суровой въ добродушную.

— «Ахъ, землякъ! Милости просимъ, къ намъ въ мазанку отдохнуть. Не побрезгайте и казацкимъ хлѣбомъ-солью. Лошадей ужъ я самъ уберу».

Поблагодаривъ казака, мы сдали ему лошадей и вошли въ его жилище. Черезъ нѣсколько времени вошелъ и нашъ хозяинъ: онъ ужъ успѣлъ разсѣдлатъ коней и, спутавъ ихъ, пустилъ на покой.

— «Ну, почтеннѣйшій», ласково обратился онъ ко мнѣ,—«теперь изволь повечерять, чѣмъ Господь Богъ послалъ»,—и поставилъ предо мною на столъ все, что у него имѣлось съѣстнаго. Я былъ сильно голоденъ и съ большою благодарностью ѣлъ предложенные мнѣ щи и пиль-мени. Какъ ни суровъ показался мнѣ по первому приему хозяинъ, но чѣмъ долѣе я былъ въ его жилищѣ, тѣмъ все болѣе убѣждался, что онъ добрый и умный казакъ. За что же онъ насъ такъ недружелюбно встрѣтилъ? думалось мнѣ. Когда вечера кончилась, и я поднесъ хозяину двѣ добрыхъ чарки водки, хранившейся у меня въ фляжкѣ, то онъ сталъ еще ласковѣе прежняго и разговорился о своемъ житиѣ бытиѣ.

— «Вы, вѣрно, приняли меня за недоброго человѣка, когда я съ винтовкою вышелъ къ вамъ на встрѣчу; а что прикажете дѣлать? Въ этихъ пустынныхъ степяхъ по неволѣ приходится на каждаго незнакомца смотрѣть какъ на врага! Вотъ, напримѣръ, я вамъ разкажу бывшій со мною случай!»

«Я теперь нахожусь въ отставкѣ, обзавелся семьей и пропитываюсь съ обрабатываемаго мною клочка земельки,

а лѣтъ восемь тому назадъ состоялъ на службѣ въ У-скомъ отрядѣ, расположенномъ въ станицѣ У-ской. Однажды, по приказанію отряднаго начальника, я долженъ былъ съ другимъ казакомъ конвоировать женщину съ дочерью, двѣнадцатилѣтнюю, ѣхавшую отъ станицы У-ской до ближняго укрѣпленія для свиданія съ мужемъ—тоже казакомъ. Запасшись на дорогу всѣмъ необходимымъ; мы рано утромъ двинулись въ путь; день былъ жаркій, тишина въ степи совершенная... солнце грѣло меня такъ приятно, что я, отѣхавъ саженей на полтораста впередъ отъ телеги, на которой сидѣли мать и дочь, невольно вздремнулъ.... Вдругъ позади меня раздался выстрѣлъ, и вслѣдъ затѣмъ отчаянный крикъ женщины! Оглянувшись, я увидѣлъ, что товарищъ мой скачетъ обратно по дорогѣ въ нашу станицу, а за нимъ гонятся четыре человѣка Киргизовъ... разсуждать было нѣкогда: схвативъ винтовку, бросился я къ телегѣ, но и тамъ уже было человѣкъ пять Киргизовъ; они вытащили несчастную женщину изъ телеги, и тутъ же, въ моихъ глазахъ, одинъ изъ хищниковъ убилъ ее длинною суковатою палкой, приговаривая: «долгой это лишнее бремя!» Такой злодѣйскій поступокъ заставилъ меня дѣйствовать рѣшительно: не обращая вниманія на неравность борьбы, я спрыгнулъ съ коня и выстрѣлилъ въ убійцу—онъ свалился: тутъ же положилъ я на мѣстѣ ружейнымъ прикладомъ другаго разбойника, остальные же трое бросились на меня. Я не робѣя защищался отъ нихъ ружейнымъ прикладомъ; но вѣдь киргизская трехаршинная палка длиннѣе казачьей винтовки—не прошло и минуты, какъ отъ сильнаго удара я почти потерялъ сознание, однако устоялъ на ногахъ, и все старался выхватить изъ ноженъ клинокъ пашки; но другой ударъ окончательно свалилъ

меня... Я очнулся лишь ночью, и къ крайней досадѣ своей почувствовалъ, что руки у меня связаны. Осмотрѣлся кругомъ, вижу человѣкъ семь Киргизовъ сидятъ вокругъ захваченной дѣвушки,—тогда я вспомнилъ, что попались мы въ руки недобрымъ людямъ, и зная, какъ жестоко Киргизы мстятъ за смерть товарищей, невольно ужаснулся».

«На другой день, рано утромъ, хищники посадили дѣвушку на лошадь, а мнѣ накинули на шею арканъ и побѣхали крупной рысью далѣе, поминутно погоняя меня плетью; наконецъ я въ изнеможеніи упалъ. Тогда нѣкоторые изъ Киргизовъ совѣтовали меня убить, такъ какъ я замедляю ихъ путь; притомъ же, говорили они, русскій казакъ можетъ поднять тревогу, и за нами будетъ погоня; но одинъ Киргизъ на это не согласился, выставляя на видъ, что гораздо выгоднѣе было бы продать меня въ Хиву. Повидимому эта мысль понравилась всѣмъ моимъ мучителямъ: хищники, связавъ мнѣ руки еще туже, посадили меня на коня и отправились далѣе».

«На третій день, къ вечеру, прибыли мы къ озеру Чабаръ-Танизу, гдѣ Киргизы намѣревались остановиться на ночлегъ. Совершивъ по обряду магометанскому омовеніе, и прочитавъ *намазъ* (*), Киргизы занялись приготовленіемъ ужина; между тѣмъ меня мучила мысль о будущемъ, и я началъ соображать, какимъ бы способомъ бѣжать изъ рукъ хищниковъ? И какъ бы освободить несчастную дѣвушку?»

«Ночь была темная, бурная: на небосклонѣ еще съ вечера показалась грозная туча, и едва совѣтъ стемнѣло, какъ заблестала молнія, загремѣлъ громъ, заревѣлъ вѣтеръ и

(*) Вечерняя молитва.

пошелъ проливной дождь. Киргизы, стреноживъ лошадей, и удостовѣрившись въ томъ, крѣпки ли на мнѣ веревки, прикрылись кошмами и улеглись спать. Дождь шелъ все сильнѣе: Киргизы спали крѣпко, — даже ихъ сто-рожевой вздремнулъ подъ шумъ дождя; не спалъ только я,—и гдѣ же мнѣ было думать о снѣ, когда я только и помышлялъ объ освобожденіи?»

«Вполнѣ удостовѣрившись въ томъ, что Киргизы всѣ спятъ, я началъ понемногу разминать руки. Богу ли такъ угодно было мое спасеніе, или надежда на освобожденіе придавала мнѣ силы, только я напрягся и сильно потянулъ руки, стараясь изъавить ихъ отъ веревки—веревка подалась. Ну, слава Тебѣ, Господи! подумалъ я, и полежававъ съ минутку на мокрой землѣ, прислушиваясь къ малѣйшему шуму, ползкомъ сталъ пробираться къ лошадямъ; распутавъ ихъ вѣхъ, и изъ путь наскоро сдѣлавъ нѣсколько недоузdkовъ, я поползъ далѣе, къ мѣсту, гдѣ спала захваченная вмѣстѣ со мною дѣвочка: шумъ вѣтра и стукъ дождя скрывалъ отъ чуткаго уха Киргизовъ случайно мною производимый шорохъ. Разбудивъ дѣвушку и совѣтуя ей какъ можно осторожнѣе, безъ шума пробираться за мною, я тихо провелъ ее къ лошадямъ. Въ это время одинъ изъ Киргизовъ проснулся, привсталъ и сквозь сонъ окликнулъ: «Бу кымъ?» (*) Но къ нашему счастью сонъ одолѣлъ его до такой степени, что онъ тотчасъ же улегся и заснулъ».

«Не опасаясь болѣе встревожить спящихъ Киргизовъ, я усадилъ на лошадь освобожденную дѣвушку, затѣмъ вскочилъ на коня и самъ, обсакавъ табуны лошадей, погналъ

(*) Это кто?

ихъ впередъ. Конечно, топотъ цѣлаго табуна лошадей долженъ былъ разбудить Киргизовъ, и они полусонные, не вполне понимая, въ чемъ дѣло, и не зная еще, что лошади всѣ угнаны, искали ихъ съ крикомъ «Атанъ! Атанъ!» (*) Но и мы, и ихъ лошади были уже далеко.

«Всю ночь скакали мы по степи на угадъ, отдавшись на волю Божію, и лишь къ утру, когда небо зарумянилось, могли разглядѣть, что приближаемся къ своей станицѣ. Такъ-то мы, благодареніе Господу, спаслись, да еще и пригнали съ собой цѣлый табунъ киргизскихъ лошадей! Радостно встрѣтили насъ наши семейства; они считали насъ уже погибшими, потому что хорошо знаютъ нравы и обычаи степныхъ Киргизовъ. Если бы вы знали эти обычаи также хорошо, то не удивились бы, почему русскій казакъ съ винтовкой въ рукахъ и суровый выходитъ на встрѣчу всадникамъ, одѣтымъ въ Киргизское платье».

Въ заключеніе казакъ-хозяинъ сообщилъ мнѣ, что вотъ ужъ два года, какъ освобожденная имъ дѣвушка вышла замужъ за его сына: «и живутъ себѣ счастливо», прибавилъ рассказчикъ, «и Господь Богъ порадовалъ ихъ сынкомъ—весь въ отца, дай ему Господи здоровья на много лѣтъ!»

В. Томиловъ.

(Капониръ 1-й Сибирской Конно-Артиллерійской Казачьей батареи.)

Г. Вѣрный, Семипалатинской области.

(*) На лошадей! На лошадей!

II.

НЕСЧАСТЬЕ ОТЪ ПЬЯНСТВА.

Любезнѣйшіе друзья и товарищи! Вы знаете, сколько гибнетъ отъ пьянства народу; расскажу же и я вамъ про одного моего товарища, съ которымъ я былъ неразлученъ съ самаго дѣтства. Этотъ случай не мѣшаетъ вамъ знать, а особенно тѣмъ изъ васъ, кто любитъ иногда перепустить лишнюю чарку, надѣясь на русское слово «авось»: «авось пройдетъ, авось смогу еще выпить, силы мнѣ не измѣнять, я здоровъ!» а не тутъ-то было: глядишь «авось» обмануло, силы измѣнили, и здоровье не выдержало... Такъ и случилось съ моимъ товарищемъ, писаремъ Алексѣемъ; а Алексѣй былъ женатый, и имѣлъ трое дѣтей.

Какъ то разъ, какъ теперь помню, въ субботу, въ концѣ ноября 1867 года, когда на дворѣ стояли уже трескучіе морозы, отправились мы съ Алексѣемъ въ баню, что у залива Выборгскаго форштадта. Послѣ бани зашли мы въ харчевню, гдѣ намъ подали графинчикъ водки. Выпили по чаркѣ, по другой... ну, говорю я, теперь, братъ Алеша, пора и по домамъ,—наши жены, я думаю, давно уже насъ ждутъ.»

— «Подождутъ» отвѣчалъ Алексѣй:—«дай я хоть поостыну немножко да еще рюмочку выпью.» Между тѣмъ въ харчевню вошелъ одинъ нашъ общій знакомый, и я съ нимъ разговорился о послѣдней кампаніи. Пока мы такъ разговаривали, Алексѣй осушилъ до дна весь графинчикъ и незамѣтно вышелъ изъ комнаты.

Я прождалъ Алексѣя въ харчевнѣ еще съ четверть часа,